

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 39:306.622:115

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.16-30

ЧЕЛОВЕК НА БЛОШИНОМ РЫНКЕ, ИЛИ ПРИВАТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОШЛОГО

И.В. Нарский¹, Н.В. Нарская²

¹*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, 614990, Россия*

²*Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия», г. Челябинск, 454015, Россия*

Аннотация

Статья посвящена проблемам исследования блошиного рынка как отражения общества и места альтернативного, непрофессионального и неофициального обращения с прошлым. Сформулированы вопросы о причинах недостаточного интереса историков к феномену блошиного рынка, который по определению должен быть объектом изучения специалистами в области истории повседневности, памяти, Public History. Очерчиваются историографические, источниковедческие и методологические ориентиры в изучении блошиного рынка. Даны ответы на вопросы о потенциале специального исторического исследования блошиного рынка и о дефиците инструментария публичной истории для его корректного изучения. Для анализа рынка подержанных вещей из перспективы историка предложена концепция Private History, детальная разработка которой еще предстоит. Исследовательским полем Private History могли бы стать разнообразные формы укрытого от посторонних глаз обращения с прошлым – будь то замкнутый семейный круг, полуполюгальные или нелегальные акции на блошином рынке, на рынке антиквариата, в среде коллекционеров, поисковиков и «черных копателей».

Ключевые слова: блошинный рынок, «частная общественность», Public History, Private History, Россия, Германия, XX век

Предыстория и контуры проекта

Настоящая статья является одним из продуктов исследовательского проекта, который вырос из нашего увлечения блошиными рынками. Посещение и наблюдение многочисленных барахолок в Европе, особенно в немецкоязычном пространстве, породили множество вопросов и постепенно переросли в исследование. Первоначально замышлялся небольшой текст о блошиных рынках, об их обитателях и циркулирующих там предметах. Затем проблематика проекта расширилась. Проект превратился в исследование многочисленных проблем и разнообразных сюжетов повседневного обращения «обычных» людей с материальными следами прошлого.

Это потребовало ясного определения границ исследования, которые сводятся к следующему. Во-первых, мы отказались от рассмотрения таких тем, центральных для публичной истории, как инструментализация вещественных следов прошлого в историческом романе и киносериале, в детских игрушках

и взрослых исторических реконструкциях. Во-вторых, поле нашего интереса ограничено двумя странами – Германией и в меньшей степени Россией. При этом термин «блошиный рынок» используется как понятие, синонимичное понятиям «барахолка», «толкучка» и другим обозначениям рынка под открытым небом или в съемном помещении, в различном сочетании выставяющего на продажу разнообразные бывшие в употреблении предметы. Важным, однако, для отбора объекта данного исследования является хотя бы минимальный шанс того, что на таком рынке окажутся предметы старины. В-третьих, мы старались отсеять практики обращения с предметами старины, которые не были так или иначе связаны с деятельностью блошиного рынка. В-четвертых, проект сосредоточен не на любых товарах, представленных на блошином рынке, а на сегменте старых и старинных вещей в возрасте 75–100 лет и старше.

Постановка вопросов

Настаивать на отсутствии литературы о блошиных рынках было бы недопустимым преувеличением. Напротив, о них написано довольно много. Палитра жанров, в которых писалось и пишется о блошиных и антикварных рынках, толкучках и барахолках, весьма широка. Она простирается от путеводителей по знаменитым блошиным рынкам и рекламных проспектов для туристов до научных социологических, антропологических, экономических и лингвистических трудов [1–8], от практических пособий и каталогов для начинающего продавца или покупателя на блошином рынке до описаний в мемуарах и художественных текстах, от журналистских расследований и репортажей до детских рассказов с картинками. Часто публикации о блошиных рынках комбинируют несколько жанров.

Многожанровая литература о блошиных рынках и репрезентации блошиного рынка в западных (и гораздо в меньшей степени в российских) ток-шоу, интернет-ресурсах, комиксах, художественных и мультипликационных фильмах сами по себе указывают на отнюдь не маргинальное место этого явления в современной культуре. Некоторые наблюдения за состоянием исследования рынков подержанных вещей вызывают определенное недоумение. Во-первых, среди исследователей блошиного рынка историки составляют исключение. Во-вторых, блошинный рынок как место альтернативного обращения с прошлым фактически полностью игнорируется теми направлениями исторических исследований, которые, казалось бы, по определению должны проявлять к этому феномену повышенный интерес – публичной историей и историей культурной памяти (см. [9–11]). В этой связи возникают следующие вопросы, на которые мы пытаемся ответить. Как объяснить более чем умеренный интерес историков, включая специалистов в области Public History, к феномену блошиного рынка? Можно ли рассматривать его как полноценный объект исторического исследования, и как можно его изучать из перспективы историка? Каков потенциал специального исторического исследования рынка бывших в употреблении вещей?

Состояние исследования блошиного рынка

Прежде всего стоит отметить, что в состоянии исследования блошиных рынков, вероятно, немалую роль сыграл серьезный внеаучный стереотип. Блошинный

рынок – это место, вызывающее у многих законное чувство брезгливости как место «нечистое». Ведь на нем циркулируют вышедшие из употребления вещи, которые зачастую принадлежали умершим людям. А сама деятельность блошиного рынка лежит в «серой зоне» не вполне прозрачных торговых операций. Вопросы о происхождении товаров, о наличии лицензий на торговую деятельность и об аккуратности в уплате торговцами налогов посетитель рынка оставляет за его территорией, на совести его обитателей, а также полицейских и налоговых чиновников, появление которых вызывает среди продавцов нездоровую суету.

Тем не менее научная литература о блошиных рынках обширна. Этнологические, социологические, экономические исследования этого феномена ставят и отчасти решают вопросы об организации и функциях блошиного рынка в жизни современного человека. Однако большинство из них недооценивает обращение с прошлым как важную функцию рынка старых вещей и серьезный мотив его посетителей. Симптоматично, что Гюнтер Винтер отнес рынок подержанных вещей к такой сфере досуга и «приватной общности», как народные увеселения, поместив барахолки в один растр с цирком и ярмарочными качелями-каруселями [7, S. 17].

Место блошиного рынка в «другом» обращении с прошлым, как ни странно, почти не рассматривается историками в качестве самостоятельной проблемы. Они прибегают к проблематике блошиного рынка, как правило, в качестве вспомогательного сюжета для исследования истории предметной среды, источников пополнения музейных и частных коллекций, а также состояния экономики и общества в кризисных ситуациях (например: истории советской повседневности, девиантного поведения советских граждан, рынка в эпоху сталинизма) [12–14]. Специальные исторические исследования блошиных рынков остаются делом будущего.

История блошиных рынков неразрывно связана с историей вещей не только потому, что блошинный рынок – место их сосредоточения и циркуляции. Люди и вещи находятся в сложных и напряженных, но равноправных отношениях. По убеждению французского социолога и философа науки Бруно Латура, «объекты – это не средства, а скорее посредники... Они не передают покорно нашу силу – во всяком случае, не больше, чем мы покорно выполняем их указания» [15, с. 96]. История блошиного рынка наверняка может внести свой вклад в осмысление места вещи как исследовательского объекта, источника и инструмента.

Особый интерес с точки зрения истории вещей в связке с динамикой развития блошиного рынка и интернет-аукционов представляют западные исследования истории моды последних десятилетий. В них блошинный рынок рассматривается в контексте интереса к винтажной одежде. В исследованиях винтажа сделаны важные наблюдения, требующие дальнейшего осмысления. Например, весьма продуктивен тезис о том, что, став на Западе с 60-х годов XX в. источником креативных модельерских идей и объектов для винтажной моды, барахолка начала утрачивать статус рынка для бедных, дав толчок бурному развитию блошиных рынков (см. [16; 17]).

Хотя исторический цех, в отличие от социологов и антропологов, в меньшей степени оказался затронутым веяниями «материального поворота» в науках об обществе и культуре (одним из теоретиков которого и является Б. Латур), в последние годы вышло значительное количество исторических исследований,

в которых предметы являются объектами и отправными точками широких исторических обобщений. Рамку традиции в исторической интерпретации предметной среды задают исследования, ставшие бестселлерами и классикой среди работ этого направления [18–20].

Показательно, что именно исследователи, обратившие внимание на блошинные рынки как достойный объект научной рефлексии историка, понимают историю вещей как важный подход к познанию прошлого [12–14; 21–23].

Вещи являются не только материальными предметами, но и символами, то есть указателями на иную действительность. Поэтому важным ориентиром и пищей для размышлений в этом проекте послужили исследования культуры воспоминания [24–29] и исторической политики [30; 31], рассказа, образа и репрезентаций как замещения вещи в словесном [32–34] или визуальном образе [35; 36]. Для понимания обращения и взаимодействия человека с вещественной средой важны не только предметы как «вещи в себе». Не менее важны представления о них, демонстрация и образ вещей в человеческом поступке, слове и изображении. Обращение к указанным тематическим блокам исследовательской литературы стало исходным моментом для размышлений вокруг блошиного рынка как объекта исторического исследования.

Источники

Источниковое ядро для этого исследования образуют два информационных комплекса. В первый входят рассказы наших собеседников с блошиного рынка в Мюнхене. В качестве основных тем нас интересовали причины и обстоятельства, приведшие наших респондентов на блошинный рынок, а также то, каким рынок был раньше и стал теперь, какова его роль в жизни наших информантов. Ничтожно малую часть интервью удалось с согласия наших визави записать на диктофон: на блошином рынке, где появление полицейского или налогового чиновника не сулит ничего хорошего, беседа с блокнотом или диктофоном в руке воспринимается как потенциальная угроза для окружающих.

В связи со спецификой сбора информации незаменимым источником первого комплекса оказались полевые дневники, которые, помимо прочего, включают составленные по горячим следам стенограммы незаписанных бесед. Они перемежаются с заметками о событиях на блошином рынке, впечатлениях от него и покупках. Покупки и изредка некоторые из некупленных вещей – с разрешения продавцов – визуально документировались фотографированием.

Второй источниковый комплекс образуют рассказы людей, не принадлежащих к корпорациям профессиональных историков и музейных работников, о старых вещах. К нему относятся и всевозможные репрезентации старых вещей и блошинных рынков за пределами музейного дела и исторического цеха: коллекционерские и аукционные интернет-порталы, путеводители, справочники и периодика с информацией для посетителей блошинных рынков, художественные тексты, комиксы и снятые по ним фильмы и телепередачи о старинных и курьезных предметах с барахолки.

Специфика источниковой базы и сама постановка вопросов определили набор методологических ориентиров, принципиально важных для этого исследовательского проекта и потому достойных того, чтобы на них остановиться особо.

Методологические ориентиры

Заявив несколькими страницами ранее о нашем равнодушии к блошиным рынкам, мы тем самым открыто признаем субъективность этого исследования. Дефицит строгих процедур отбора и конструирования источников должен еще более усугубить ощущение этой субъективности. Однако считаем своим долгом подчеркнуть: эта субъективность – особого рода, и она имеет прямое отношение к методологической оснастке этого труда. В нем мы опираемся на несколько концептов теоретического свойства. Во-первых, мы рассматриваем этот проект как плод «лирической историографии». Отличительной особенностью этого, антропологического по происхождению подхода видится «наличие в тексте фигуры активного автора – не бесстрастного арбитра, а заинтересованного участника исторического процесса, который создает эффекты реальности и одновременно раскрывает технологию их создания, провоцирует читателя на сопереживание и дискуссию, словом – обнажает и использует свой личный опыт в контролируемом исследовательском процессе и изложении его результатов» [37, с. 67]. Идея сознательного, целенаправленного и открытого использования собственного опыта исходит, прежде всего, из представления о центральном значении донаучного знания, или «предубеждений» (Ханс-Георг Гадамер), в авторском исследовательском процессе [38]. Поэтому мы и признаемся, что взгляд наш субъективен, поскольку мы равнодушны к своим героям – людям и вещам.

Во-вторых, в проекте вещи выступают «следами» историй и людей, участвовавших в этих историях. «Следами» в том смысле, в каком этот термин использовал Карло Гинзбург, отнеся историческую науку к области индивидуализирующего качественного знания, основанного, наподобие палеонтологии или криминологии, на распутывании следов [39].

В-третьих, здесь используются теоретические послы упомянутого выше «онтологического поворота» в социальных и гуманитарных науках, исходящего из равноправия людей и вещей в духе Б. Латура [15] и нацеленного на целостное изучение вещи как материального и культурного, природного и рукотворного феномена.

В связи с двойственной – естественной и культурной – природой вещей мы посчитали полезным, в-четвертых, ориентироваться на представления о новой культуре памяти, заявившей о себе в Европе, и прежде всего в Германии, в течение последних четырех десятилетий. Согласно ей, ныне прошлое не отделено непреодолимой стеной от настоящего и будущего и не является сферой интересов исключительно профессиональных историков [24; 25]. Будучи местом перманентного альтернативного толкования изменчивого прошлого, блошиный рынок рассматривается в проекте как порождение нового ощущения времени, как часть этого ощущения и реакция на него.

Блошиный рынок как отражение общества

Как уже отмечалось, блошиный рынок до сих пор не стал самостоятельным объектом изучения историков, и прежде всего поборников публичной истории, исследователей коллективной памяти, повседневности и культурных практик. А ведь рынок бывших в употреблении вещей можно рассматривать в качестве

своеобразного барометра состояния общества. Он может, подобно барахолке для бедных XIX – первой половины XX в., выступать инструментом пополнения или экономии скудного семейного бюджета. Толкучка может также служить «санации» домашнего интерьера от вещей, устаревших, вышедших из моды. Она помогает избавиться от предметов интерьера и утвари, осложняющих переезд на новое место жительства, тормозящих продажу унаследованной недвижимости, мешающих расстаться с обременительными воспоминаниями. Современный блошинный рынок (с 70-х годов XX в.) может в большей степени быть местом коммуникации, ставшей затруднительной в мегаполисах в связи с сегментацией повседневной жизни и герметичным отделением друг от друга пространств жилья, работы, потребления и транспорта. Рынок старых вещей является местом циркуляции предметов старины и удовлетворяет интересы профильных коллекционеров и «безыдейных», в терминологии Владимира Солоухина, собирателей. В последние десятилетия XX в. вторичный рынок стал местом креативных практик в области моды, превратившись из рынка для бедных в модное место для представителей среднего класса.

Следовательно, изучение блошиного рынка связано с широким комплексом тем, значимых не только для экономистов, социологов, антропологов и психологов, но и для историков. К таким темам относятся, например, потребление и бедность, коммуникация и одиночество, вкусы и мода, поколенческие разрывы, ностальгия и непрофессиональное, приватное обращение с прошлым из близкой, тактильной и эмоционально окрашенной перспективы в современном обществе в целом и в мегаполисе в особенности. Исследование рынка подержанных вещей позволяет соединить проблемы, рассматриваемые обычно порознь, и тем самым продвинуться в их решении.

Синхронный сравнительный анализ развития блошиных рынков в разных странах и их диахронное изучение в одной стране позволяют с нового ракурса увидеть известные проблемы или открыть новые сюжеты для исторического исследования. Блошинный рынок в Германии может, например, стать объектом изучения сложностей в обращении с нацистским прошлым, а состояние российского блошиного рынка многое рассказать о деформированной в советское время материальной среде.

Изучая блошинный рынок, можно выйти на проблему динамики уровня жизни и развития международного трансфера предметов старины. Так, немецкие блошинные рынки в 90-е годы XX в. выиграли от крушения социалистической системы и открытия внутренних границ Евросоюза. Тогда антиквариат различного, в том числе сомнительного происхождения, ранее запрещенный к вывозу из стран Восточной Европы, а отчасти и от соседей с Запада (например, беспошлинный вывоз антикварной бронзы из Франции), беспрепятственно хлынул через границу, где встретил рост интереса к старине среди западных немцев с крепкой покупательной способностью.

Блошинный рынок в Германии второго десятилетия XXI в. также изменился под влиянием внутренних проблем и международных отношений. Понижение уровня жизни западных немцев после введения евро, насыщение коллекций или уход из жизни поколения собирателей 70–90-х годов XX в., наводнение рынка антиквариата подделками с Востока, приход на рынок новых торговцев

и покупателей из Азии и Африки сделали свое дело. Сегодня старожилы блошиных рынков мечтательно вспоминают о прежних временах и снисходительно называют нынешний товарный ассортимент «мусором».

Однако по здравому размышлению представляется, что перемены на современном блошином рынке, пожалуй, не следует оценивать чрезмерно пессимистично, тем более не стоит прогнозировать его истощение и гибель в ближайшие годы, в том числе вследствие новой «вирусологической» реальности. Расцвет онлайн-аукционов и триумф телепередач, скопировавших модель блошиного рынка, свидетельствуют скорее об обратном.

Ниша историка на блошином рынке

Перечисленная выше проблематика, связанная с деятельностью блошиного рынка, в первую очередь и ранее других ученых стала привлекать экономистов и социологов. Необходимость рассматривать движение товаров и человеческую коммуникацию с помощью инструментария политэкономии и социологии лежит на поверхности. Даже антропологи не сразу заметили потенциал изучения традиции и культуры на материале блошиного рынка, который воспринимался в 60–70-е годы XX в. как явление очень молодое [40].

Так есть ли «на блошином рынке» у историка самостоятельное место, на котором ему не нужно «отнимать хлеб» у других наук об обществе и культуре? Может ли рынок подержанных вещей претендовать на статус самостоятельного объекта исторического исследования, или ему суждено остаться проходным сюжетом при исследовании повседневности? На оба вопроса с известной долей осторожности можно ответить утвердительно. Блошинный рынок второй половины XX в. мобилизовал домодерную критику капитализма в собственную идеологию, сделал обличение «бездушного» капитализма знаменем консервативной тоски и постмодерной ностальгии по «доброму старому времени» с ремесленным, штучным производством вручную из качественных материалов, с торгом и коммуникацией лицом к лицу, со спонтанным и открытым общением, с близостью к первоизданной природе [6]. В этом смысле сама концепция современного блошиного рынка является идеологией альтернативного обращения с прошлым.

Однако не только институциональная история блошиного рынка, но и коммуникация людей друг с другом и со старыми предметами дают пищу для изучения обращения с прошлым из перспективы историка. Общение на барахолке позволительно описать не только в категориях политэкономии и социологии, но и антропологии и истории, ведь оно воспроизводит трехзвенный механизм функционирования традиции: «Наследование от предшественников – обихаживание в настоящем – передача по наследству более молодым людям»¹ [40, S. 200]. Современный интерес и уважение к старым, «атмосферным» вещам, воплощая тенденцию не к обеднению, а к благосостоянию, наделяют повседневные предметы из прошлого статусом украшения интерьера, сувенира, места памяти о семейном прошлом, исторического документа и коллекционного раритета (см. [40]). Вещь как повод для ностальгии, и конечно, не только по социалистической эпохе [2, с. 165–171], становится важным источником для изучения

¹ Здесь и далее перевод на русский язык наш. – И.Н., Н.Н.

другого, неофициального и непрофессионального обращения «обычных» людей с прошлым.

Почему блошинный рынок не стал объектом Public History?

Казалось бы, блошинный рынок неизбежно должен стать одним из канонических объектов публичной истории, изучающей обращение к прошлому со стороны непрофессионалов или адресованной аудитории непрофессионалов. Однако этого до сих пор не случилось. Блошинный рынок, как правило, не только не превратился в специальный объект Public History, но, как уже было отмечено, не упоминается в программных и обзорных работах по публичной истории [9–11]. Причина такого невнимания в историческом цехе к барахолке коренится, видимо, не столько в ее недооценке как объекта исследования, сколько в дефиците публичного компонента на блошином рынке и в искажении взгляда на него сквозь оптику публичной истории. Социологический концепт толкучки как «приватной общестственности» [7, S. 17] наглядно иллюстрирует это утверждение.

Тезис о том, что на блошином рынке размывается граница между частным и общественным, между отдыхом и работой, между хобби и профессией, не подлежит сомнению. Блошинный рынок позволительно рассматривать как однодневную, случайную и непрерывно меняющуюся музейную экспозицию, позволяющую публике заглянуть в быт и даже интимную сферу прошедших эпох. Но характерный для социологического подхода перекосяк в сторону публичной составляющей этого феномена неоправданно уравнивает его с такими явлениями «приватной общестственности», как работа в огороде, выращивание аквариумных рыбок или посещение цирка [7, S. 17]. Концепт «приватной общестственности» недооценивает приватный компонент в поведении акторов на блошином рынке и специфику недоступного в музее тактильного и эмоционально выраженного обращения с прошлым, которое может взволновать, к которому можно прикоснуться, которое можно присвоить в буквальном, рыночном смысле слова.

Действительно, само публичное пространство блошиного рынка является лишь краткой, сиюминутной фазой в активности человека на толкучке. Товары прибывают на барахолку из приватных, закрытых для публики пространств частных интерьеров, подвалов и чердаков, а покупатели – будь то профессиональные коллекционеры или любители, желающие украсить свой домашний интерьер, – чаще всего посещают блошинный рынок, чтобы приобретенное вновь приватизировать и прекратить краткосрочное выставление вещи на всеобщее обозрение. Даже тогда, когда коллекционер с гордостью показывает свою находку членам клубного сообщества, а домохозяйка, сияя, демонстрирует гостям получивший вторую жизнь предмет интерьера, речь идет о допущении избранных в приватную сферу. Публичная сцена блошиного рынка начинается и заканчивается приватно. Она хронологически и пространственно обрамлена частными кулисами.

Горизонты Private History

Именно в этой связи напрашивается дополнение Public History программой Private History, разработка которой еще предстоит. «Приватная история» как способ расширения «публичной истории» или, возможно, даже как ее альтернатива

при изучении некоторых феноменов обращения с прошлым, может оказаться полезной не только для корректного изучения рынка бывших в употреблении вещей. Действительно, этот концепт может оказать пользу тому, кто захочет обратить более пристальное внимание на работу с прошлым в частной, прежде всего семейной сфере, за закрытыми дверьми семейного праздника, рассказа внукам на сон грядущий, комментария к семейному альбому.

Но приватное обращение к прошлому не ограничивается семейным интерьером. Оно может скрываться от посторонних глаз по причине незаконности. Приведем лишь один пример. Историки отдали на откуп авторам детективов историю преступлений вокруг произведений искусства и музейных ценностей. Покушения на государственные и частные коллекции и исчезновение украденного в тайниках частных заказчиков имеют прямое отношение не только к крупным коммерческим проектам, но и к нелегальным формам работы с прошлым. Блошинный рынок представляет собой лишь одно из средоточий полуполюгальных и нелегальных практик, к которым относятся и места встреч коллекционеров, и антикварный бизнес, и операции международного трансфера антиквариата, и активность «черных копателей», и другие пространства и институции. Конечно, возможности изучения таких кейсов часто ограничены непростым доступом к необходимым источникам. Но их исследование историками может дополнить многообразную картину обращения непрофессионалов с прошлым.

Наконец, концепция Private History может быть полезна, чтобы внимательно присмотреться к трансформации картины приватной коммуникации с прошлым при ее выводе в публичный дискурс. Эту проблему много лет назад сформулировала исследователь семейной памяти Марианна Хирш:

«Одной из основных характеристик семейного взгляда является то, что он осуществляется внутри закрытого круга. Что произойдет, если этот круг расширится, вобрав в себя других зрителей и читателей? <...> Какое отношение мои читатели имеют к образам моей семьи? Как найти тот взгляд, который будет посредником между оберегаемым кругом семьи и публичностью научного анализа? Какова этика и политика такого “выставления напоказ”, такого публичного чтения образов, которые обрели свой смысл в сфере частного и личного?» (цит. по [41, с. 488]).

Действительно, что меняется в практикуемом в частной сфере дискурсе о прошлом при его выставлении напоказ? Концепт Private History предлагает заглянуть за кулисы публичной истории и обратить более пристальное внимание на по разным соображениям утаенное, приватное измерение прошлого, памяти о нем и обращения с ним. Потенциал «приватной истории» пока сложно оценить. Возможно, он окажется мизерным. Но не исключено, что он таит возможности, пока недооцененные.

Блошинный рынок и инструментарий историографии

Помимо (пере)открытия новых тематических полей историческое исследование блошиного рынка может стать полигоном для (пере)проверки инструментария современной историографии, ставшего темой дискуссий в последние десятилетия. В первую очередь напрашивается вопрос о различиях в сходной, казалось бы, работе с предметами из прошлого коллекционеров или антикваров, с одной

стороны, и историков – с другой. Ведь и для тех, и для других главной исследовательской добродетелью является выяснение исторического контекста – в данном случае места, времени, заказчика, производителя, потребителя предмета. Здесь вполне уместно сравнение деятельности коллекционеров и историков с целеполаганием, соответственно, искусствоведов и историков искусства. Проблема социального окружения искусства, впервые поставленная искусствоведами, является центральной и для историков. Но если искусствоведы пытались выяснить, что же социальные условия создания художественного произведения могут рассказать о нем, то историки культуры подошли к проблеме с прямо противоположной стороны: «Историческое исследование развернет такие подходы и спросит, что можно узнать из произведения искусства о его мире» [36, S. 29]. Атрибуция предмета в руках историка перестает быть самоцелью и превращается в инструмент исследования эпохи.

Есть немало и других вопросов на стыке теории и практики обращения с вещами из перспективы историка. Каким образом и в какой степени, например, «маленькие люди» могут влиять на властный дискурс о прошлом? Как меняется соотношение понятий «описание», «интерпретация», «репрезентация», когда предметом анализа является не текст о прошлом, а рассказ о конкретной вещи, которую можно потрогать и повертеть в руках? Как старинная вещь становится репрезентацией прошлого не в музее, а на прилавке старьевщика и антиквара, в витрине коллекционера, в интерьере любителя? Как предметы из прошлого задают правила обращения с ними и сопротивляются интерпретации их владельцем? Эти и многие другие вопросы могут апробироваться историком на основе полевого исследования на блошином рынке.

Литература

1. Бредникова О., Кутафьева З. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 34. – С. 91–96.
2. Воронкова Л.В., Сотникова Е.В., Паченков О.В. «Это не рынок»: игра с форматами // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2016. – Т. 1, № 4. – С. 142–184.
3. Паченков О.В., Воронкова Л.В. Блошинный рынок как «городская сцена» // Микроурбанизм. Город в деталях: Сб. ст. – М.: НЛЮ, 2014. – С. 132–169.
4. Fischer V. Nostalgie, Geschichte und Kultur als Trödelmarkt. – Luzern; Frankfurt/M.: C.J. Bucher, 1980. – 303 S.
5. Anderegg U. Flohmarkt. Spaziergängen durch den Alltag. – Zürich: Schweiz. Verlags-haus, 1981. – 143 S.
6. Jüngst P. Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen auf öffentlichen und privaten Flohmärkten – vorläufige Ergebnisse anhand zweier Fallstudien in Kassel und Marburg // Urbs et Regio. – 1984. – N. 32. – S. 97–120.
7. Winter G. Trödelmärkte: Eine empirische Untersuchung zur sozialen und ökonomischen Struktur einer Institution privater Öffentlichkeit. – Göttingen: Cuvillier, 1996. – 267 S.
8. Damsar. “Fleamarket” in a German Town: A Study in Economic Sociology. – Bielefeld: Cuvillier, 1998. – 183 p.
9. Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 3. – URL:

- <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html>, свободный.
10. Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Дубиной. – М.: Новое изд-во, 2021. – 448 с.
 11. *De Groot J.* Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. – London: Routledge, 2016. – 332 p.
 12. *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 444 с.
 13. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 2008. – 351 с.
 14. *Schlögel K.* Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt. – München: Verlag C.H. Beck, 2017. – 912 S.
 15. *Латур Б.* Об интеробъективности // Социол. обозр. – 2007. – Т. 6, № 2. – С. 79–96.
 16. *Jenss H.* Sixties Dress Only! Mode und Konsum in der Retro-Szene der Mods. – Frankfurt/M.; N. Y.: Campus Verlag, 2007. – 367 p.
 17. *Jenss H.* Fashioning Memory. Vintage Style and Youth Culture. – London; N. Y.: Bloomsbury Acad., 2015. – 173 p.
 18. *Mintz S.* Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. – N. Y.: Viking Penguin, 1985. – 274 p.
 19. *Макрегор Н.* История мира в 100 предметах. – М.: Эксмо, 2012. – 800 с.
 20. *Гинзбург К.* Деревянные глаза: Десять статей о дистанции. – М.: Новое изд-во, 2021. – 448 с.
 21. *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: Торгсин. – М.: РОССПЭН, 2009. – 592 с.
 22. *Осокина Е.А.* Небесная голубизна ангельских одежд. Судьба произведений древнерусской живописи. 1920–1930-е годы. – М.: НЛЮ, 2018. – 664 с.
 23. *Schlögel K.* Der Duft der Imperien. Chanel No 5 und Rotes Moskau. – München: C. Hanser, 2020. – 221 S.
 24. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: НЛЮ, 2016. – 232 с.
 25. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. – М.: НЛЮ, 2019. – 552 с.
 26. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 368 с.
 27. *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. – СПб.: Владимир Даль: Русский остров, 2004. – 622 с.
 28. *Рикёр П.* Память, история, забвение. – М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с.
 29. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.
 30. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. – М.: НЛЮ, 2011. – 316 с.
 31. *Эппле Н.* Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: НЛЮ, 2020. – 576 с.
 32. *Анкерсмит Ф.* Политическая репрезентация. – М.: ВШЭ, 2012. – 288 с.
 33. *Рикёр П.* Время и рассказ: в 2 т. – М.; СПб.: Унив. кн., 2000. – Т. 1. – 313 с.; Т. 2. – 224 с.
 34. *Уайт Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
 35. *Burke P.* Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence. – London: Reaktion Books, 2001. – 224 p.

36. *Roeck B.* Das historische Auge. Kunstwerke als Zeugen ihrer Zeit. Von der Renaissance zur Revolution. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. – 375 S.
37. *Нарский И.В.* Антропологизация авторства: приглашение к лирической историографии // Новое лит. обозр. – 2012. – № 115. – С. 56–70.
38. *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. – Berlin: J.C.B. Mohr, 1993. – 533 S.
39. *Гинзбург К.* Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. – М.: Новое изд-во, 2004. – С. 189–241.
40. *Heller H.* Über den Umgang mit Tradition auf Trödelmärkten // Otto Koenig 70 Jahre: Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Verhaltensforschung: Matreier Gespräche. – Wien; Heidelberg: Wirtschaftsverlag Ueberreuter, 1984. – S. 199–204.
41. *Нарский И.В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство: (Автобио-историо-графический роман). – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. – 516 с.

Поступила в редакцию
26.10.2021

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований

Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614990, Россия
E-mail: inarsky@mail.ru

Нарская Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске
Городок-11, д. 1, г. Челябинск, 454015, Россия
E-mail: bredihina_natalya@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 6, pp. 16–30

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.16-30

A Human at the Flea Market, or the Private Dimension of the Past

I.V. Narskii^{a}, N.V. Narskaya^{b**}*

^a*Perm State National Research University, Perm, 614990 Russia*

^b*Branch of the Military Training and Research Center of the Air Force
“Military Air Force Academy”, Chelyabinsk, 454015 Russia*

E-mail: ^{*}inarsky@mail.ru, ^{**}bredihina_natalya@mail.ru

Received October 26, 2021

Abstract

This article focuses on the problem of studying the flea market as a reflection of society and as a place of alternative, non-professional, and unofficial reappraisal of the past. The reasons for the low

interest of historians in the phenomenon of the flea market, which, by definition, should be part of historical studies about everyday habits, collective memory, and Public History, were identified. The historiographical, source-related, and methodological milestones for studying the flea market were outlined. The high potential of special historical studies of the flea market was substantiated. The current lack of Public History tools to perform such studies was noted. It was suggested that historians should analyze the flea market through a specific lens, i.e., using the concept of Private History, still being elaborated and validated. Private History could address various aspects and forms of the indirect treatment of the past, such as close family circle, as well as semi-legal or illegal actions at flea and antiques markets, among collectors, searchers, and tomb raiders. Of no less interest are the changes that occur when the private discourse of the past turns into the public one.

Keywords: flea market, “private society”, Public History, Private History, Russia, Germany, 20th century

References

1. Brednikova O., Kutaf'eva Z. Old thing as a character of flea markets. *Neprikosnovennyi Zapas*, 2004, no. 34, pp. 91–96. (In Russian)
2. Voronkova L.V., Sotnikova E.V., Pachenkov O.V. “This is not a market”: A game with formats. *Praktiki i Interpretatsii: Zhurnal Filologicheskikh, Obrazovatel'nykh i Kul'turnykh Issledovaniy*, 2016, vol. 1, no. 4, pp. 142–184. (In Russian)
3. Pachenkov O.V., Voronkova L.V. Flea market as an “urban scene”. In: *Mikrourbanizm. Gorod v detalyakh* [Microurbanism. The City in Detail]. Moscow, NLO, 2014, pp. 132–169. (In Russian)
4. Fischer V. *Nostalgie, Geschichte und Kultur als Trödelmarkt*. Luzern, Frankfurt am Main, C.J. Bucher, 1980. 303 S. (In German)
5. Anderegg U. *Flohmarkt. Spaziergängen durch den Alltag*. Zürich, Schweiz. Verlagshaus, 1981. 143 S. (In German)
6. Jüngst P. Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen auf öffentlichen und privaten Flohmärkten – vorläufige Ergebnisse anhand zweier Fallstudien in Kassel und Marburg. *Urbs et Regio*, 1984, N. 32, S. 97–120. (In German)
7. Winter G. *Trödelmärkte: Eine empirische Untersuchung zur sozialen und ökonomischen Struktur einer Institution privater Öffentlichkeit*. Göttingen, Cuvillier, 1996. 267 S. (In German)
8. Damsar. “Fleamarket” in a German Town: A Study in Economic Sociology. Bielefeld, Cuvillier, 1998. 183 p.
9. Ackermann F., Ackermann J., Littke A., Nisser J., Thomann J. Applied history, or the public dimension of the past. *Neprikosnovennyi Zapas*, 2012, no. 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html>. (In Russian)
10. *Vse v proshlom: Teoriya i praktika publichnoi istorii* [All in the Past: Theory and Practice of Public History]. Zavadsky A., Dubina V. (Eds.). Moscow, Novoe Izd., 2021. 448 p. (In Russian)
11. De Groot J. *Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture*. London, Routledge, 2016. 332 p.
12. Leбина N.B. *Entsiklopediya banal'nostei: Sovetskaya Povsednevnost': Kontury, simvol'y, znaki* [Encyclopedia of Banalities: Soviet Everyday Life: Contours, Symbols, Signs]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2006. 444 p. (In Russian)
13. Osokina E.A. *Za fasadom “stalinskogo izobiliya”: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941*. [Behind the Facade of Stalinist Abundance: Distribution and Market in the Supply of Population in the Years of Industrialization. 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN, 2008. 351 p. (In Russian)
14. Schlögel K. *Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt*. München, Verlag C.H. Beck, 2017. 912 S. (In German)
15. Latour B. On interobjectivity. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*, 2007, vol. 6, no. 2, pp. 79–96. (In Russian)
16. Jense H. *Sixties Dress Only! Mode und Konsum in der Retro-Szene der Mods*. Frankfurt am Main, New York, Campus Verlag, 2007. 367 p. (In German)
17. Jense H. *Fashioning Memory. Vintage Style and Youth Culture*. London; New York, Bloomsbury Acad., 2015. 173 p.

18. Mintz S. *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. New York, Viking Penguin, 1985. 274 p.
19. McGregor N. *Istoriya mira v 100 predmetakh* [History of the World in 100 Subjects]. Moscow, Eksmo, 2012. 800 p. (In Russian)
20. Ginzburg C. *Derevyannye glaza: Desyat' statei o distantsii* [Wooden Eyes: Ten Reflections on Distance]. Moscow, Nov. Izd., 2021. 448 p. (In Russian)
21. Osokina E.A. *Zoloto dlya industrializatsii: Torgsin* [Gold for Industrialization: Torgsin]. Moscow, ROSSPEN, 2009. 592 p. (In Russian)
22. Osokina E.A. *Nebesnaya golubizna angel'skikh odezhd. Sud'ba proizvedenii drevnerusskoi zhivopisi. 1920–1930-e gody* [The Heavenly Blue Color of Angelic Robes. The Fate of Old Russian Paintings. 1920s–1930s]. Moscow, NLO, 2018. 664 p. (In Russian)
23. Schlögel K. *Der Duft der Imperien. Chanel No 5 und Rotes Moskau*. München, C. Hanser, 2020. 221 S. (In German)
24. Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [The New Discontent with Memorial Culture]. Moscow, NLO, 2016. 232 p. (In Russian)
25. Assman A. *Zabvenie istorii – oderzhitost' istoriei* [Forgetting History – an Obsession with History]. Moscow, NLO, 2019. 552 p. (In Russian)
26. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2004. 368 p. (In Russian)
27. Lowenthal D. *Proshloe – chuzhaya strana* [The Past Is a Foreign Country]. St. Petersburg, Vladimir Dal', Russ. Ostrov, 2004. 622 p. (In Russian)
28. Ricoeur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow, Izd. Gumanit. Lit., 2004. 728 p. (In Russian)
29. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Frameworks of Memory]. Moscow, Nov. Izd., 2007. 348 p. (In Russian)
30. Koposov N. *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [High Security Memory. History and Politics in Russia]. Moscow, NLO, 2011. 316 p. (In Russian)
31. Epple N. *Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: Memory of the State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow, NLO, 2020. 576 p. (In Russian)
32. Ankersmith F. *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political Representation]. Moscow, VShE, 2012. 288 p. (In Russian)
33. Ricoeur P. *Vremya i rasskaz* [Time and Narrative]. Moscow, St. Petersburg, Univ. Kniga, 2000. Vol. 1, 313 p. Vol. 2, 224 p. (In Russian)
34. White H. *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in 19th-Century Europe]. Yekaterinburg, Izd. Ural. Univ., 2002. 528 p. (In Russian)
35. Burke P. *Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence*. London, Reaktion Books, 2001. 224 p.
36. Roeck B. *Das historische Auge. Kunstwerke als Zeugen ihrer Zeit. Von der Renaissance zur Revolution*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 375 S. (In German)
37. Narskii I.V. The anthropologization of authorship: An Invitation to lyrical historiography. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2012, no. 115, pp. 56–70. (In Russian)
38. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Berlin, J.C.B. Mohr, 1993. 533 S. (In German)
39. Ginzburg C. Clues: Roots of an evidential paradigm. In: Ginzburg C. *Mify – emblemy – primety: morfologiya i istoriya* [Myths – Emblems – Clues: Morphology and History]. Moscow, Nov. Izd., 2004, pp. 189–241. (In Russian)
40. Heller H. Über den Umgang mit Tradition auf Trödelmärkten. In: *Otto Koenig 70 Jahre. Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Verhaltensforschung. Matreier Gespräche*. Wien, Heidelberg, Wirtschaftsverlag Ueberreuter, 1984, S. 199–204. (In German)

41. Narskii I.V. *Fotokartochka na pamyat': Semeinye istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (Avtobio-istorio-graficheskii roman)* [Memorable Photo: Family Stories, Photographic Messages and Soviet Childhood (Autobio-Historical-Graphic Novel)]. Chelyabinsk, OOO "Entsiklopediya", 2008. 516 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Нарский И.В., Нарская Н.В. Человек на блошином рынке, или приватное измерение прошлого // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 16–30. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.16-30. ⟩

⟨ **For citation:** Narskii I.V., Narskaya N.V. A human at the flea market, or the private dimension of the past. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 16–30. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.16-30. (In Russian) ⟩